

К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

По традиции приведу аннотации к роману Александра Иличевского “Солярка”. Характерная из них от Г.Юзефович: “Даже с разгону ухажив в глубины эзотерического бреда или без малейшего предупреждения сбиваясь с

Сразу оговорюсь, что я – сторонница реалистического метода в литературе, эзотерикой, каббалистикой и прочей метафизикой не увлекаюсь, хотя слышана об этих практиках; анашу не курю, в оккультных кружках не замечана и разнообразными тренингами, нацеленными на превращение среднестатистического человека в супермена, пренебрегаю... Трудно представить, что так в своё время можно было анонсировать очередной роман Льва Толстого. Разве что роман Достоевского... Но это спорно: Достоевский заставлял читателя преодолевать весь абсурд жизни, задумываться после каждой прочитанной страницы о том, что допустимо в человеке, а чего он делать не должен; он прививал читателю здоровую безразличность к подобного рода увлечениям морально нечестоплотных своих персонажей. Мне априори не хочется “с разгону ухажив в глубины авторского бреда”, “покачиваться, грезить и бредить” в процессе чтения. Я хочу, чтобы автор оказался лучше меня во всём, а физиологических “изысков”, психиатрических сдвигов и прочей букеровщины мне хватает и в повседневной жизни. Де-факто я вынуждена терпеть целые периоды с описаниями бреда главного героя, его снов и приступов рвоты. У меня рябит в глазах от неукротимой рвоты, вывернутых наизнанку кишок, личинок, непременного шизофрении, которая сознательно преподносится как норма, и проч. Сожалею, что в нашем государстве упрямлена принудительная психиатрия.

Я наизусть знаю, что в конце повествования герой будет убит, не суть важно, за что, – и это в очередной раз обнаружит неспособность автора справляться с персонажами, держать в узде коллизии и высказав своё, авторское, отношение к разрабатываемому материалу, которое – непереносное требование к школьнику, пишущему сочинение. И нефть здесь не причём. С равным успехом можно было извлечь интригу из таких вещей, пригодных в пищу или относящихся к неорганической химии, как самовар, вологодское масло, ивановский ситец и янтаре. Это что касается места соларки в контексте рассматриваемого произведения Иличевского.

Нефть имеет к главному герою опосредованное отношение; она добывается в Баку – городе, где гостит герой у бабушки. Она используется в производстве асфальта. Также герой, как заправский неспециалист, рассуждает о методах нефтедобычи в годы СССР и напрямую связывает несовершенство метода с развалом огромной страны. Ей-богу, смешно. Очевидно, что размышления эти, по-детски менторские, родились с чужой подачи, и выглядят, по меньшей мере, умозрительно... (Господа, я уверена, что в СССР были специалисты высочайшего класса, люди учёные, которым было виднее, чем вам, как, где и когда добывать “чёрное золото”). Оставайтесь при своём интересе, большая к вам просьба.)

Я писал эти заметки на полях рукописи поэтического сборника Валентина Василенко “Колокола души”. В этот сборник вошли стихи и песни

Настоящая поэзия всегда музыкальна. Если в стихах нет музыкальности, нет и поэзии. Но музыкальность бывает разной. Иные стихи подобны тонкому звучанию скрипки, другим подходит свирельный напев, есть и прекрасная маршевая поэзия, под звенящие голоса медных труб и гром барабанов.

Поэзия Валентина Василенко – это колокольная поэзия. Во всём её объёме, от тонких колокольчиков до звуч-

Владимир
БОНДАРЕНКО

ных набатных колоколов. Оттого и тянется сам поэт к звонарям России.

Как чужды всем душам
Томленья и мела,
Но духу послушны
Лишь колокола.
Душа отзовётся,
И сердцу вздохом
На землю прольётся
Малиновый зvon.

Колокола переговариваются друг с другом, вспоминают о прошлом, зовут в будущее. Колокола поэзии и обыденны, могут просто напоминать о любви, о том, что пора в поле или домой. Школьный колокольчик зовёт на перемену. А есть колокола, как сигнал атаки, как память о погибших.

Так о чём же и о ком звонят поэтические колокола Валентина Василенко? Уже в эпиграфе первой главы сборника, которая, как и сама книга, названа “Колокола души”, автор со ссылкой на стихи иеромонаха Аверкия и одно из своих стихотворений подсказывает читателю, о каком храме с колоколами мечтает он сам.

Строенье наших плеч предполагает
Насенье раненных, погонов и креста,
А в будущем и крыльев красота
Сквозь поротые спины прорастает.
Строенье наших рук не допускает
Их опускать, не испытав борьбы...

Пока есть небеса,
Пилигримы отыщут дорогу
В ту страну, где любовь
Помогает уставшим ногам.
Звёздный путь к чудесам
Приведёт их к себе или к Богу,
И воздвижется вновь
на земле и в душе белый храм...

Там псалмы напевают святая вода,
Купола в неба синь окуная.
Тихий голос земли
Что-то шепчет всегда
О загадках родимого края...

Говорят, что колокол – это молитва в звуке. И звук этот отзывается в поэзии Валентина Василенко. Колокола звонят, когда Россия оживает, когда подступает враг, в колокольном звоне слышны все тревоги и радости человечества.

Россию не распать,
она ведь держит крест.
Бережь его – нет миссии важней!
Пусть благостен
из Сергиевых мест
Нас сделают отажней и сильней.

Колокольный звон, благостен, который когда-то спас гетевского Фауста, возбуждает у поэта чувство поющей души, а с поющей душой приходит и радость бытия, открывается путь к Богу и земному божьему храму.

Родник любви – на небесах,
А нежный зvon – под куполами.
Они даруют чудеса,
Когда Творец незримо с нами.

бытовой прозы на высокую поэзию, Иличевский ухитряется сохранить ту магическую, камлающую интонацию, которая заставляет читателя покачиваться, грезить и бредить вместе с автором и его героями”.

Возвращаясь к роману. Без цитат не обойтись никак, ибо автор даёт для этого хороший повод. Сюжет: студент Глеб из Москвы приезжает на лето к бабушке в Баку и становится заложником давней семейной вражды. Главы враждующих семейств – отец Глеба и его брат Фонарёв – ведут скрытую войну за наследство деда Иосифа Дубнова, сбжавшего после октябрьской революции в Америку, а именно – за бриллианты. Пропавшие камни семейство Фо-

Прощай, не пой, пернатый...

нарёвых тупо вымогает у Дубновых. Глеб и Пётр, двоюродные братья, вынужденно оказываются в эпицентре этой войны, только Пётр, как более удачливый, красивый и предприимчивый, становится надзирателем темницы, где томится Глеб. Два брата-акробата, две стороны одной медали, два лица одного бога: баловень судьбы, ловелас и рефлексирующий слабосильный подросток...

Герой прогуливается по древнему городу и подмечает красоту его зданий и улиц: окна домов – как “взгляд под паранджу”. Описания автора – из лексикона художника-любителя, искусствоведа или поэта...

...Всё это, как цветной фольгой, переполнено многочисленными изображениями местных пейзажей и одухотворено несметным количеством запахов и ароматов... Но идиллия нарушается его неудачной прогулкой в парке им. Кирова: местные хулиганы грабят его и подрезают финки, хотя он изображает себя иностранца, англичанина. Но шпане нет дела до иностранцев, было бы чем поживиться...

Напоследок юный художник из её рядов делает портрет Глеба, который тот, несмотря на ранение, как любитель прекрасного не может не оценить: “путаница дадаистических траекторий”. Автор забывается, забывает про читателя и медитирует, что, в общем-то, нередко бывает, когда писатель пробует силы в новом для себя жанре и, не имея опыта, но, видимо, имея очень много свободного времени и огромное желание вписаться в какую-либо литературную премию, попадает в двусмысленное положение... С одной стороны, полудетективный материал требует напряжения фантазии и неусыпного контроля в построении сюжетного каркаса, с другой – неумение это делать сквозит под занавес каждой последующей главы. Это трудно отследить: сначала Иличевский “берёт быка за рога” и разрабатывает материал вполне уверенно; читатель с энтузиазмом подхватывает его зазор, но вскоре начинает спотыкаться на разрозненных там и сям кирпичных обломках неуместных в контексте главы подробностей и, с трудом преодолевая целые периоды чисто искусствоведческих и иных неуместностей и

неуместностей, натывается, наконец, на следующую главу, где всё повторяется. Очевидно, что Иличевский – не мастер крупного прозаического жанра, но это полбеды; его способностей хватает на короткую зарисовку, возможно – стихотворение.

Любовная нить (встреча с Ирадой, проданной от нищеты собственной матерью владельцу ресторана) гложет в самом начале; детективное ядро, вокруг которого он постоянно пытается организовать своё повествование, – рыхлое, невнятное и неубедительное; тема нефти – неуместна и не несёт в себе никакой нагрузки. Да, временами он переходит на белый стих, углубляясь в описательные бездны, но, спохватившись, не вымарывает очередную подлинной яви”. Автору большая проза явно “не по зубам”; нужно начать с малого, сесть на литературную “диету”, побережь желудок. Но вот незадача: Глеб, заточённый в пустой квартире коварными родственниками, так формулирует своё (читай – авторское) писательское кредо: “А когда книжки вообще недоступны, то и подавно писателями становятся”. И ведь он прав: вон сколько писателей сейчас развелось. Помню-помню 90-е: книг мало, чтобы сам садись и пиши, и за себя, и за Достоевского, и за Пушкина,

неуместность из черновика и так отправляет рукопись в типографию, надеясь, что читатель простит его прозаическую неопытность и оценит его поэтический навык... Номер, как говорится, не проходит. Получается сплошной пэчворк: разнофактурные и разноцветные поскаты не выглядят как единое целое, и создаётся впечатление, что автор писал, маясь от безделья, и совершал тем самым насилие над собой.

...Вот описание лунного неба: “мутный желток луны”, “лунная карта”, “пропеллины меднообразной субстанции”... В процессе ночной прогулки герой испытывает “восхитительный страх”, который медленно стекает по шее, груди, паху, рождая “немой и дикий крик зародыша”. Лунная картина весьма динамична, будто “в диапроекторе переставляют слайды” (тут у меня, как у зайца, преследуемого охотником, дрогнули и насторожились уши: диапроектор в моем сознании ассоциируется с диапроектором г-на Разума из романа Михаила Елизарова “Мультики”, и я ожидаю гадостей...). Гадости будут впереди и в большом количестве. Но сейчас я наслаждаюсь поэзией лунных ночей и воспоминаниями о первой любви главного героя к девочке по имени Лена. На ум приходит роман Андрея Белого “Петербург”: то же почти бессюжетное повествование с обрывками пейзажей и картин, как смазанный кадр или картины в стиле кубофутуризм... Нередки у Иличевского неологизмы, граничащие с языковыми неправильностями и откровенным абсурдом (“немой и дикий крик зародыша”), которые, чем дальше, тем сильнее режут слух. Но и на это можно закрыть глаза. Я читаю и жду, когда же автор наберётся хоть какого-то прозаического навыка и удивит меня. Всё тесно. И я, за неимением иного, читаю характеристики членов семьи Глеба. Вот его бабушка Оля, живущая в Баку: она настолько рассеянна, что страдает “смысловым головокружением” (я с тех пор, как начала читать ваш роман, господин Иличевский, – тоже, вы должны об этом знать!). Глеб отсыпается у неё в гостях, но целиком наслаждаться воспоминаниями детства мешают многочисленные грёзы, миражи, сопровождающие неукротимой рвотой, сны с “продолжением

статьи”.

Опыт с Леночкой, однако, не оставил в душе Глеба светлых воспоминаний. Весь опыт его первой влюблённости уместился в одну фразу: “...потеря невинности сопровождается переходом от непрерывного существования к трению”.

Ну, строго следуя закону физики, так оно и есть. Не поспоришь. Но писатель, на мой взгляд, должен преподнести первое чувство несколько по-другому, иначе чем твоё творение отличается от медицинской энциклопедии? Когда же современные нанотехнологические писатели научатся описывать детскую любовную драму так, чтобы она стала для читателя своей? *Дыр бул шир обеш шур* сплошной. Глеб учится в Москве и Леночка тут же – в качестве библиотечарши с размытой перспективной стать в будущем абитуриенткой. Видимо, “трение” всё-таки сопровождается каким-то романтическим подтекстом, оттого текст романа временами перемежается совсем белыми стихами: “А мне так душно, душно, тошно”. Причина духоты в отношениях – в паранойе главного героя, развившейся в результате его совместного с Леночкой и её мамой чаепития: “Глебу кажется, что его отравили – с целью охмурить и побыстрее сделать зятем. Мама оправдывается: это был женешень. Для здоровья крайне полезное средство. Позднее Глебу кажется, что это был эфир, и он в панике убегает из квартиры. Он идёт домой и блюёт, где приспичит, “всё равно

всё равно”.

О монографии Евгения Каргаполова “Смыслы и символы любви”

Александр Кердан принадлежит к тем современным русским писателям, которые в своём творчестве всю сознательную жизнь борются за утверждение идеалов любви, добра, красоты, правды и других высоких смыслов и ценностей. Его стихи пронизаны самой искренней любовью к родной земле, Родине, России-матушке; каждая его строка дышит пожеланиями им славы, мира и величия.

Поэтический мир Кердана разнообразен и многопланов, богат яркими

рый до этого написал ряд монографий о таких поэтах, как легендарный Роберт Рождественский, талантливый поэт-сибиряк, всё больше утверждающийся в литературном отечестве России, Дмитрий Мизгулин и других.

Автор этих строк на одном дыхании прочёл последнюю книгу Евгения Каргаполова о Александре Кердане, удивительно тонкого, лирического поэта, обладающего своим слогом и словом в современной российской поэзии. Достоинство этой монографии в том, что Каргаполов подвергает скрупулёзному анализу образы и смыслы любви в стихах этого мастера поэзии.

ся до страсти, сросшаяся со страстью, серьёзно подрывает авторитет настоящего, возвышенного и духовного чувства.

Удачное соединение методов анализа и синтеза в исследовании Евгения Каргаполова позволяет ему выстроить целостную философскую концепцию темы любви в поэзии Александра Кердана.

В ней любовь представлена частью вечного процесса жизни, изначально за-

Во имя радости и света

Князь ГОЧАГ

образами и глубокими, многоуровневыми сюжетными линиями, чем и интересен и привлекателен для читателя. Он пишет лирические стихи, историческую прозу, проводит культурологические исследования о феномене офицерской чести и престижа государственной службы в России, занимается, как сегодня говорят, менеджментом в области литературного дела, руководя большим межрегиональным писательским объединением – “Ассоциацией писателей Урала” (АСПУР), одновременно являясь председателем Союза писателей России. Поэтому вполне оправданное обращение литературоведов и литературных критиков к его личности и произведениям.

О литературной деятельности Александра Кердана написано много статей известными в литературном мире людьми. Например, Лолой Зваревой, Ниной Ягодичевой и другими. В 2015 году в одной из типографий города Ижевска вышла монография, где впервые с философских позиций анализируется поэзия Александра Кердана – уральского поэта, автора более пятидесяти книг стихов и прозы. Автор этого исследования – хорошо известный в Уральском федеральном округе критик, литературовед, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ханты-Мансийской государственной медицинской академии, профессор Евгений Каргаполов, кото-

При исследовании текстов Кердана автор монографии использовал метод реинтерпретации, разработанный советским психологом С.Л. Рубинштейном. Этот метод, рассматривая в диалектическом развитии за тридцать лет творчество Александра Кердана – от книги к книге, – позволял сделать вывод о том, что поэт достаточно глубоко проник в сущность и содержание философского феномена любви, который талантливо и оригинально раскрывает адекватными художественными средствами. Евгению Каргаполову на весомых примерах удалось убедительно показать динамику отношений наших современников к любви как большому Чувству. Он даёт предельно правдивую картину развития любви отдельного индивидуума на примере своего лирического героя в произведениях Александра Кердана, пребывающего в быстро меняющимся мире и новом социуме.

Каргаполов доказал, что во многих стихах Александра Кердана талантливо вырисовываются образы его современников, переживающих различные состояния любви в разных жизненных коллизиях.

Автор акцентирует внимание на деральном округе критик, литературовед, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ханты-Мансийской государственной медицинской академии, профессор Евгений Каргаполов, кото-

ложенного Творцом. Человек же должен исполнить замысел и реализовать этот план на Земле, ибо он наделён правом выбора. Какой путь любви выберет человек, полностью зависит только от него самого.

Поневолё вспоминаются строки величайшего поэта Востока Шамсы Табризи, духовного наставника гениального Руми “Из любви рождаемся мы, Любовь – наша Мать”.

Общезвестно, что любовь – это всегда путь к единению. Любовь даёт начало всем общественным и природным процессам. Ибо, по мнению Кердана, если бы не было любви, то не было бы ни солнца, ни света, ни тепла, не было бы самой жизни на Земле. Кердан говорит о любви к самой любви. Отдадим должное Александру Кердану: мало что может так, как он, проникновенно написать о всепоглощающей силе этого чувства.

Чтобы любить, а не страдать.
Не знаю большего секрета –
В самом себе весь мир познать
Во имя радости и света.

Читатель, знакомый с самобытной поэзией Александра Кердана, будет рад тому, что поэт заслуженно стал объектом столь солидной монографии. А у человека, ещё не знакомого с поэзией Кердана, будет весомый стимул для того, чтобы с этой поэзией познакомиться. В этом как раз и есть одно из достоинств монографии Евгения Каргаполова.

НАЧАЛО ВЕСНЫ
Вот-вот и кончится дремота
Остывшей на зиму крови –
Тебе захочется чего-то,
Но не самой ещё любви,
А ожиданья, предвкушенья
Её прихода – нет, явленья! –
В твой серый

мартовский рассвет...
К кому любви? К жене, к невесте,
К прохожей?...
Да ко всем к ним вместе,
Как к чуду, что на свете есть.
Точнее, не было, покуда
В тебе самом, в самом тебе
Вдруг не возникло это чудо
Прекрасночувствия... В борьбе
Со всем обыденным, привычным,
Дисгармонично-гармоничным,
Что укрепляет этот мир,
Вдруг начинается движение,
Рождается воображение,
Как снов несбывшийся пунктир.
Оно тебя всего пронзает...
А дальше? Ты – уже не ты,
Словно приезжий на вокзале,
Ждёшь исполнения мечты –

Билета на последний поезд,
Об остальном не беспокоясь,
Как будто счастья выше нет,
Чем до страны своих бессонниц,
Капелью бьющих в подоконник,
Купить единственный билет...

Что такое любовь?
Не отыщешь ответа.
Миллионы пытались
ответить на этот
Надоевший вопрос...
Превращались в песок
Монолитные скалы,
Но Калипсо любовника
не отпускала.
До осыпанных пелопом волос.
А жена всё ждала,
хоть сама поседела,
Хоть друзья и враги
поделили пределы –
До последней безрогой козы...
Да и ту закололи однажды,
чтобы кровью
(Может, жертва зовётся
той самой любовью?)
Перед храмом наполнить тазы.

Соединяет нас разлука
Надвигает, чем мгновенья встреч.
Так –
легче чувствовать друг друга.
От привыканья уберечь
Сердце взаимное влечение
И расстания призыв...
Но тем сильнее притяжение,
Чем предугаданней разрыв.
(Из “Соединяет нас разлука...”)

Когда любовь, сродни искусству,
Поделена на нас двоих,
Дает разлука волю чувствам,
А встреча скрадывает их.
Я слышала эти дни разлуки,
Ведя мгновенным тайный счёт,
Когда в порыве наши руки
При встрече вновь судьба сплетёт.
Когда ударит кровь в лавры,
Разогревая сердца медь,
Чтоб мог я стать
влюблённым мавром
И о разлуке пожелать.
(Из “Почти по Шекспиру”)
Александр КЕРДАН

